

Литература

Белкнап Р. О традиции эпистолярного романа в «Романе в девяти письмах» Ф. М. Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. 1996. №13. С. 23–28.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 1. Бедные люди: повести и рассказы; 1846–1847 / ред. Г. М. Фридлендер; подгот. и прим. Т. М. Орнатской. Г. М. Фридлендера. 519 с.

Зими́на Н. Ю. «Роман в девяти письмах» Достоевского как роман о любви // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. №5. С. 140–147.

Кричевский Г. А. Концепция эпистолярного жанра В. Б. Шкловского в заметках 1957 года о Ф. М. Достоевском // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 12. Т. 14. С. 3649–3655.

Шари́фова С. Ш. Взаимодействие романа с публицистическими жанрами // Новый филологический вестник. 2011. № 4(19). С. 33–48.

Kosheleva O. D. Structural and semantic organization of the “A Novel in Nine Letters” by F. M. Dostoevsky

Abstract. «A Novel in Nine Letters» by F. M. Dostoevsky is built on the destruction of the reader's expectations from the epistolary form, since Dostoevsky uses it to write a comic work. To achieve a comic effect, the writer often uses to parallelism at different levels of the text, as well as to references to literature relevant to readers of the XIX century. At the end of the work, the principle of parallelism is intentionally violated by the author, which does not meet the reader's expectations.

Keywords: epistolary prose, F. M. Dostoevsky, «A Novel in nine letters», humor, parallelism.

Н. А. Богословская

(научный руководитель **Е. А. Попова**)

Липецкий государственный педагогический университет,
Липецк, Россия

«Письмо к китайцу» Л. Н. Толстого: языковое своеобразие воплощения авторской позиции

Аннотация. В статье на основе анализа «Письма к китайцу» Л. Н. Толстого рассматривается специфика эпистолярного жанра в русской литературе, а также характеризуется языковое своеобразие воплощения авторской позиции. В тексте были выявлены такие черты, характерные для эпистолярного жанра, как наличие адресата и адресанта, сочетание разговорной и книжной речи, использование этикетных формул и обращений и др. В статье отмечается специфика «Письма к китайцу» и влияние данного произведения на русскую культуру.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, специфика эпистолярного жанра, «Письмо к китайцу», Л. Н. Толстой.

Современная лингвистическая наука большое внимание уделяет изучению эпистолярного жанра. Письма исследуются с точки зрения жанрово-стилевых особенностей, особенностей, структуры, использования разноуровневых языковых единиц в текстах и т.д.

Исходя из особенностей использования в письмах того или иного функционального стиля можно выделить следующие типы эпистолярных жанров:

1) официально-деловое письмо (в русле официально-делового стиля; письма как деловые документы, отражающие не личные, а официальные отношения);

2) профессионально ориентированное письмо (в русле научного стиля, например, переписка ученых);

3) публицистическое письмо (в русле публицистического стиля, например, письма в газету);

4) художественное письмо (в русле языка художественной литературы, например, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, письмо Хлестакова своему другу Тряпичкину в «Ревизоре» Н. В. Гоголя и т.д.);

5) частное письмо, не предназначенное для публикации; этот жанр включает в себя частные деловые письма, дружескую и любовную переписку и создается в русле обиходного стиля [Фесенко 2008: 135].

Для эпистолярного жанра характерны такие специфические черты, как точное обозначение адресата и адресанта, строгая композиция, возможное сочетание разговорной и книжной речи, наличие в тексте этикетных формул, использование обращений, вопросительных и восклицательных предложений. Проанализируем «Письмо к китайцу» Л. Н. Толстого с точки зрения текстовых элементов, свойственных эпистолярному жанру.

В тексте произведения присутствует обозначение адресата «милостивый государь» – без указания имени – и адресанта: «Вашъ покорный слуга Л. Толстой» [Толстой 1936: 694]. В Примечаниях сказано, что «Письмо к китайцу» написано в форме обращения к китайскому писателю Ку-Хун-Мину (Ku-Hung-Ming), приславшему Толстому свои книги «*Et nunc, reges, intelligete. The moral causes of the Russo-Japanese War*», Shanghai, 1906 («Ныне, цари, разумеите! Моральные причины русско-японской войны») и «*Papers from a viceroy's Jamen*» («Бумаги вице-короля Йемен»). В этом письме Толстой высказывает мысли, сходные с теми, какие высказаны были им в только что оконченной статье «О значении русской революции». Этим поясняется запись в Дневнике от 15 сентября 1906 г.: «Кончил и статью, и о земле, и начал письмо китайцу, все о том же» [Толстой 1936: 693]. В автографе указана и дата написания «Письма»: 13 Сентября [Толстой 1936: 694].

«Письмо к китайцу» Л. Н. Толстого имеет строгую композицию. Оно начинается с обращения к адресату и вступления: «Милостивый государь <...> Я получил ваши книги и с большим интересом прочел их <...>» [Толстой 1936: 290], состоит из 9 глав, в каждой из которых автор рассматривает отдельный вопрос, и завершается небольшим заключением: «И выхода другого нет и не может быть, как освобождение себя от власти человеческой и подчинение власти Божеской» [Толстой 1936: 299].

Проанализируем главы «Письма», чтобы рассмотреть специфику языкового воплощения авторского замысла. В первой главе автор говорит о мудрости, терпении и спокойствии китайского народа, о том, что его безжалостно притесняли и эксплуатировали европейские народы. Толстой восхищается качествами китайцев (причем он подчеркивает, что его оценка верна только относительно китайского народа, но он не имеет в виду китайское правительство: «Я говорю про народ китайский, а не про правительство» [Толстой 1936: 290]): «Жизнь китайского народа всегда в высшей степени интересовала меня, и я старался знакомиться с тем, что из китайской жизни было доступно мне, преимущественно с китайской религиозной мудростью – книгами Конфуция, Ментце, Лаотце и комментариями на них» [Толстой 1936: 290]; «Китайский народ, так много потерпевший от безнравственной, грубо эгоистической, корыстолюбивой жестокости европейских народов, до последнего времени на все совершаемые над ними насилия отвечал величественным и мудрым спокойствием, предпочтением терпения в борьбе с насилием» [Толстой 1936: 290]; «И спокойствие и терпение великого и могущественного китайского народа вызывало только все большую и большую наглость европейских народов, как это всегда бывает с грубыми, эгоистическими людьми, живущими одной животной жизнью, каковы были европейцы, имевшие дело с Китаем» [Толстой 1936: 290]; «<...> важно то, чтобы китайский народ не потерял терпения <...>» [Толстой 1936: 291].

Следует отметить эпитеты, характеризующие китайскую культуру и китайский народ: «великий», «могущественный». При этом Толстой использует контрастные по смыслу

эпитеты для характеристики европейской цивилизации: «безнравственной, грубо эгоистической, корыстолюбивой жестокости». С помощью приема антитезы подчеркивается исключительная роль Китая в судьбах цивилизации.

В главе второй Толстой рассуждает о том, что будет, если Китай решит ответить на все то зло, которое было причинено ему Европой, и начнет войну. Автор считает, что такое событие «было бы ужасно», но подчеркивает, что ужасным считает не ту опасность, которую будет при этом представлять Китай, а тот факт, что Китай перестанет быть носителем мудрости и гармонии, перестанет быть земледельческой державой. Толстой отмечает, что такие качества китайского народа, как ум, выдержанность, трудолюбие, многочисленность, способны помочь ему выстроить непобедимую армию и защищаться.

Толстой видит миссию Китая в том, чтобы нести свет истинной свободы всему остальному миру: «Мне думается, что назначение восточных народов Китая, Персии, Турции, Индии, России и, может быть, Японии (если она еще не совсем увязла в сетях разврата европейской цивилизации) состоит в том, чтобы указать народам тот истинный путь к свободе, для выражения которой, как вы пишете в вашей книге, на китайском языке нет другого слова, кроме Тао, пути, то есть деятельности, сообразной с вечным основным законом жизни человеческой» [Толстой 1936: 292].

Экспрессия автора проявляется в оценочной лексике: эпитетах «грубых», «невежественных», словах «прогнал», «увязла» (имеют разговорный оттенок), а также использовании частицы «то» при указательном местоимении («эту-то свободу») и обращении к адресату. Смешение элементов разговорного и книжного стилей речи позволяет Толстому лучше передать свою мысль и выразить свою личную заинтересованность в судьбах Китая и Европы.

Ключевой мыслью третьей главы является суждение о свободе и власти: «... наступил черед и восточных народов, и для Китая, точно так же почувствовать весь вред деспотической власти и отыскивать средства освобождения от деспотической власти, при теперешних условиях жизни ставшей непереносимой» [Толстой 1936: 293]. Интересны языковые особенности данного отрывка, например, использование вставной конструкции «(особенно при первобытных путях сообщения, на больших пространствах)», а также разговорного слова «невыгода», употребленного Толстым в третьей главе два раза, прилагательного «теперешний», также относящегося к разговорному стилю речи. Сравнительный оборот «все яснее и яснее», повторяющийся два раза, подчеркивает основную мысль автора о невозможности дальнейшего развития деспотической власти европейских стран над китайским народом.

В тексте четвертой главы встречаются обороты «знаю я» и «думаю», с помощью которых Толстой подчеркивает субъективность своей точки зрения на рассматриваемую проблему и подчеркивает особенно важные для него мысли. Примечателен тот факт, что в данном отрывке, говоря о необходимости пересмотра отношения народа с властью, автор не противопоставляет Россию Китаю и другим восточным странам, а ставит их все в один ряд, противопоставляя европейским цивилизациям: «И в таком положении, я думаю, находится теперь и Россия, и Персия, Турция и Китай. Все народы эти дожили до того времени, когда они уже не могут долее оставаться в прежнем отношении к своим властителям» [Толстой 1936: 294]. Толстой подчеркивает такую характерную черту китайского народа, как миролюбие, отмечая, однако, и «дурное устройство его войска», не способного защитить китайский народ от европейцев (что, возможно, и является следствием вышеобозначенного миролюбия): «Для Китая это в особенности так вследствие миролюбия его народа, дурного устройства его войска, дающего возможность европейцам безнаказанно грабить китайские земли под предлогом разных столкновений и несогласия с китайским правительством» [Толстой 1936: 294].

В самом начале текста пятой главы присутствует прямое обращение к адресату, выраженное в предложении: «И вот я вижу по вашей книге и по другим известиям <...>» [Толстой 1936: 294], а также предложение «допустим» [Толстой 1936: 295], которое вносит в

повествование оттенков диалогичности. В этом отрывке Толстой рассуждает о том, что Китаю не следует становиться на путь западных цивилизаций, потому что это повлекло бы за собой полное отречение от культуры и индивидуальности страны: «Завести такую же конституцию, такое же войско, может быть, и такую же общую воинскую повинность, такую же промышленность, как у западных народов, значило бы отречься от всего того, чем жил и живет китайский народ, отречься от своего прошедшего, отречься от разумной, миролюбивой, земледельческой жизни, той жизни, которая составляет истинный и единый путь, Тао, не только для Китая, но для всего человечества» [Толстой 1936: 295]. Говоря об устройстве жизни в Китае, Толстой снова употребляет такие эпитеты, как «разумная» и «миролюбивая», и подчеркивает, что китайская культура, по его мнению, «составляет истинный и единый путь <...> не только для Китая, но для всего человечества» [Толстой 1936: 295], то есть вновь утверждает особую миссию, предназначенную для Китая и его народа.

В шестой главе «Письма» Толстой снова противопоставляет разумную, земледельческую жизнь народов Востока, имея в виду Китай, Индию и Россию, бедственному положению Запада. Автор так говорит о подражании Западу: «Подражать западным народам, испугавшись их наглости и силы – это все равно, что разумному, неиспорченному, трудолюбивому человеку подражать промотавшемуся, отвыкшему от труда, нападающему на нас наглому грабителю, то есть для того, чтобы с успехом противодействовать безнравственному злодею, сделаться самому таким же безнравственным злодеем.

Не подражать нужно китайцам западным народам, а пользоваться их примером для того, чтобы не прийти в то же, как и они, отчаянное положение.

Все, что делают западные народы, может и должно быть примером для восточных народов, но только примером не того, что нужно делать, а того, чего ни в каком случае не должно делать» [Толстой 1936: 296]. Толстой утверждает, что у Китая и других восточных стран должен быть свой путь, заложенный в самом ядре их культуры и жизни, и только развиваясь в этом направлении, они смогут достичь могущества, не потеряв при этом своей культурной индивидуальности.

В этой главе присутствует элемент экспрессии, выраженный восклицательным предложением: «И этим-то паразитным народам и их деятельности приглашают вас подражать люди партии реформ!» [Толстой 1936: 296]. Данное синтаксическое целое является показательным для эпистолярного жанра: использование восклицательных и вопросительных предложений, эмоционально-экспрессивных слов («паразитным народам»), разговорных форм («этим-то»), а также обращение к адресату, выраженное местоимением «вас». Данные элементы помогают выразить авторскую позицию и донести до читателей и человека, которому адресовано письмо, пафос Л. Н. Толстого.

В главе седьмой писатель также использует обращение к адресату, при этом объединяя адресата письма и его соотечественников: «для вас, китайцев, это особенно явно невозможно, потому что вы со своим миролюбием, оставаясь в положении государства без войска среди военных держав, не могущих жить самостоятельной жизнью, неизбежно будете подвергаться грабегам и захватам, которые эти державы должны делать для поддержания своего существования» [Толстой 1936: 296]. Толстой вновь отмечает такую характерную черту китайского народа, как «миролюбие», противопоставляя «грабегам и захватам», на которые способны, по его мнению, европейские державы. Текст данного отрывка примечателен и использованием риторического вопроса (что также характерно для эпистолярного жанра, в том числе): «Что же делать?» [Толстой 1936: 296]. В тексте седьмой главы активно используются повторы, например, «я знаю», уточнения «для нас, русских», «для вас, китайцев», что создает впечатление живого диалога с адресатом «Письма». Экспрессия автора передается с помощью повтора: «Для нас, русских, я знаю, несомненно знаю, чего нам, русским, не надо и что нам надо делать» [Толстой 1936: 297]. Толстой призывает китайский народ «жить мирной, земледельческой жизнью» и не подражать

западным цивилизациям. Только так, по мнению автора, Китай и все восточные народы смогут сохранить свою самостоятельность и свое величие: «Нужно же и можно нам делать только одно, и самое простое: жить мирной, земледельческой жизнью, перенося те насилия, которые могут быть совершены над нами, не противодействуя им силою и не участвуя в них. То же самое, по моему мнению, и еще с большим основанием нужно делать и вам, китайцам, не только для того, чтобы избавиться от тех захватов вашей земли и грабежей, которые делают над вами европейские народы, но и от неразумных требований вашего правительства, требующего от вас дел, противных вашему нравственному учению и сознанию» [Толстой 1936: 297]. Толстой подчеркивает значение внутренней свободы и высокого уровня сознания народа, при которых невозможно будет никакое насилие со стороны властей: «Только держитесь свободы, состоящей в следовании разумному пути жизни, то есть Тао, и сами собой уничтожатся все действия, причиняемые вам вашими чиновниками, и станут невозможны угнетения и грабежи европейцев. Освободитесь от своих чиновников тем, что не будете исполнять их требований и, главное, не будете, повинаясь им, помогать порабощению и ограблению друг друга. Освободитесь от грабежей европейцев тем, что, соблюдая Тао, не будете признавать себя принадлежащими ни к какому государству и ответственными за те дела, которые совершает ваше правительство» [Толстой 1936: 297]. Примечательно обилие в данном отрывке глаголов повелительного наклонения, с помощью которых Толстой выражает свою позицию и старается внушить свои мысли адресату «Письма».

В восьмой, достаточно маленькой по объему, главе «Письма» Толстой подводит итог своим рассуждениям. Следует отметить тот факт, что автор сопоставляет закон Бога с понятием Тао, обозначающим «истинный путь» в китайской религии, тем самым в некотором смысле объединяя китайскую и русскую культуры: «Признает народ человеческую власть выше власти Бога, выше закона (Тао), и народ всегда будет рабом, и тем более рабом, чем сложнее будет то устройство власти (как конституционное), которое он учредит и которому подчинится. Свободен может быть только тот народ, для которого закон Бога (Тао) есть единый высший закон, которому должны быть подчинены все другие» [Толстой 1936: 298]. В восьмой главе также присутствует местоимение «вы», создающее иллюзию разговора с адресатом «Письма»: «А не будете вы, не повинаясь своему правительству, содействовать и чужим властям в их насилиях над вами, не будете служить им ни в частной, ни в государственной, ни в военной службе, и не будет всех тех бедствий, от которых вы страдаете» [Толстой 1936: 298].

Девятая глава является заключительной в тексте «Письма». Автор использует вводные конструкции «мне думается», «мне кажется», «по моему мнению», что обусловлено тем, что данный отрывок является своеобразным выводом для тех рассуждений Толстого, которые были приведены в предыдущих главах: «И вот такой период от детства к возмужалости переживают теперь, мне думается, все народы, как восточные, так и западные, живущие государственной жизнью»; «И это дело, мне кажется, историческое, судьбой предназначено именно восточным народам» [Толстой 1936: 298]; «Дело, предстоящее теперь, по моему мнению, не только Китаю, но и всем восточным народам, не в том только, чтобы избавиться самим от тех зол, которые они терпят от своих правительств и от чужих народов, а в том, чтобы указать всем народам выход из того переходного положения, в котором они все находятся» [Толстой 1936: 299]. Толстой вновь рассматривает все восточные народы как единое целое, противопоставляя их Западу.

Автор видит предназначение восточных народов, в том числе и китайского, в том, чтобы путем внутренней свободы выйти на новый уровень развития человеческой цивилизации, следуя высшим нравственно-религиозным ценностям, заложенным в культуре каждого народа: «И потому восточным народам, видя всю бедственность западных народов, естественно не пытаться освободиться от зла человеческой власти тем запутанным, искусственным, скрывающим сущность дела средством – мнимым ограничением власти и представительством, которым пытались освободиться западные народы, а решить вопрос

власти другим, более коренным и простым способом, и способ этот представляется сам собою людям, не потерявшим еще веры в высший обязательный закон Неба или Бога, в закон Тао, и состоит только в следовании этому закону, исключаящему возможность повиновения человеческой власти» [Толстой 1936: 299].

Считая китайскую и русскую культуры родственными по духу, Толстой во многом воспринимает труды мыслителей Китая как «путеводитель», способный не только помочь разобраться в культуре другого народа, но и лучше понять собственную культуру. Понятия «свое» и «чужое» в данном случае преломляются под воздействием друг друга, позволяя осознать и воспринять все грани культурной жизни китайского и русского народов. А. А. Красноярова в своей диссертации ««Китайский текст» русской литературы» говорит о том, что философия жизни самого Толстого духовно во многом была близка культуре народа Китая и мировоззрению китайской интеллигенции [Красноярова 2019: 43]. Автор ссылается при этом на слова французского писателя Р. Роллана, подчеркивающие значительную степень влияния идей Л. Н. Толстого на умы Востока: «...Воздействие Толстого на Азию окажется, быть может, более значительным для ее истории, чем воздействие его на Европу. Он был первой стезей духа, которая связала всех членов старого материка от Запада до Востока» [Роллан 1958: 328].

«Письмо к китайцу» Л. Н. Толстого является одним из примеров произведений эпистолярного жанра, однако имеет некоторые особенности, отличающие его от других произведений эпистолярного жанра. Так, например, необходимо отметить, что в тексте при формальном обращении к адресату отсутствует диалогичность как таковая, поскольку Толстой высказывает свое мнение, не требуя в ответ мнение своего собеседника. В данном письме присутствуют элементы, характерные для русского эпистолярного жанра, без использования особенностей эпистолярного жанра, характерных для китайской культуры.

Кроме того, «Письмо к китайцу» обладает особой культурной и исторической значимостью. Обращаясь к культуре Китая, к ее произведениям, Л. Н. Толстой не только погружается в неповторимый мир Востока, но и анализирует, сопоставляет, по-новому рассматривает общечеловеческие нравственные идеалы и ценности. В данном произведении Толстой отражает в основном русскую идеологию, транслирует духовные ценности своей родной культуры, стараясь с их помощью донести до адресата положенные в основу письма мысли.

Литература

Красноярова А. А. «Китайский текст» русской литературы: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2019. 296 с.

Роллан Р. Собрание сочинений: в 14 томах; перевод с французского; под общей редакцией И. Анисимова. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 14: Вопросы эстетики. Театр. Живопись. Литература. 832 с.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 томах. М.-Л. : ГИХЛ, 1936. Т. 36. Произведения 1904–1906 гг. 770 с.

Фесенко О. П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. : Филология. Искусствоведение. 2008. № 23 (124). Вып. 24. С. 132–143.

Bogoslovskaya N. A. «Letter to the Chinese» by L. N. Tolstoy: linguistic originality of the embodiment of the author's position

Abstract. In the article, based on the analysis of «Letter to the Chinese» by L. N. Tolstoy considers the specifics of the epistolary genre in Russian literature, and also characterizes the linguistic originality of the embodiment of the author's position. The text revealed such features characteristic of the epistolary as the presence of an addressee and an addressee, a combination of

colloquial and bookish speech, the use of etiquette formulas and appeals, interrogative and exclamatory sentences, etc. Russian culture.

Keywords: epistolary genre, epistolary specifics, «Letter to the Chinese», L. N. Tolstoy.

Ю. Н. Александрова

(научн. руководитель Н. В. Пращерук)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Стилевое своеобразие писем в историческом романе: на материале романа Вс. Соловьева «Сергей Горбатов»

Аннотация. В статье рассмотрено стиливое своеобразие писем в историческом романе. Авторский стиль базируется на двух стилиевых принципах: свободный и имитирующий (В. В. Виноградов). Свободный стиль в большей степени характерен для русского исторического романа. Письма персонажей при таком стиле отражают образ эпохи, а также являются речевой характеристикой персонажа, принадлежащего данной эпохе. В качестве примера в статье приводится анализ двух писем из романа Вс. Соловьева «Сергей Горбатов».

Ключевые слова: письмо, стиль, исторический роман, образ эпохи, речь автора, речь персонажа.

Исторический роман воспроизводит в художественной форме какую-либо эпоху. Автор исторического романа использует разные приемы для наиболее близкого к реальности изображения прошлого. Здесь большое значение имеет стиль. В. В. Виноградов в статье «Из истории стилей русского исторического романа» пишет о том, что авторский стиль романиста базируется на двух стилиевых принципах: свободный и имитирующий. Свободный принцип предполагает «независимость авторской речи от речи персонажей» [Виноградов 1958: 121]. Авторский язык не воссоздает реалии прошедшей эпохи, автор говорит языком, который близок и понятен его современникам (например, романы и повести Марлинского, отчасти Загоскина, Лажечникова и др.). Имитирующий принцип предполагает приближение к языку, на котором говорили раньше, не только в речи персонажей, но и в авторской речи. Такие романы близки к документальным очеркам (например, романы Вельтмана). Свободный принцип в большей степени характерен для русского исторического романа [Виноградов 1958].

Иллюзия правдивого изображения времени создается с помощью соответствий речевой семантики национальным типам и положениям, быту и эпохе. Действительность воссоздается автором исторического романа в соответствии с ее культурным стилем [Виноградов 1958].

Описывая жанровые особенности исторического романа, мы обратили внимание на значимую роль писем. В структуре повествования они встречаются часто, и в каждом из романов играют специфическую роль: это и письма дипломатического плана (С. Полежаев «Бирон и Волынский»), и письма с фронта (Р. Зотов «Два брата, или Москва в 1812 году»), и письма друзьям или членам семьи (Вс. Соловьев «Хроника четырех поколений»), и письма возлюбленной (И. Лажечников «Ледяной дом»). Цель нашей работы – рассмотреть стиливое своеобразие писем в историческом романе на материале романа Вс. Соловьева «Сергей Горбатов».

Роман «Сергей Горбатов» является первой частью «Хроники четырех поколений». Перед нами история семьи Горбатовых, описанная с конца XVIII века до пореформенного времени в XIX веке. История семьи рассказана молодым дворянином, который нашел в старинном доме тетрадки – «отрывки воспоминаний разнообразно и интересно проведенной